

А требовательность власти может быть плодотворной лишь в том случае, если ответственность будет лежать на всех, если не будет «вынесенной» инстанции верховной власти, на которую легко сваливать все обвинения и недовольства. Для того, чтобы новая, послекоммунистическая власть, выросшая из глубин революции, была бы действительно компетентна и полномочна государственно переоформить огромную территорию Евразии, недостаточно выдвижения одного лица или династии. Это должно стать делом целой поросли людей, которая давала бы возможность править титулом всего народа и выдвигала бы верховенство власти от самых народных корней. Смогут ли созреть в будущем в этой поросле новых поколений и людей идея и формы монархического строя, судить и трудно и преждевременно. Можно только с решительностью установить, что чем дольше народ и власть будут в неразделимом единстве, тем с большей силой и решительностью будут ликвидированы изнутри, самим народом, все революционные разрывы и надломы. Потому то так и опасен, особенно в период преодоления революции, неизбежный при монархии — ритуально-юридический разрыв между властью и народом.

Против монархии можно, наконец, выставить еще и следующее соображение. Конечно, всякая власть коренится в метафизике. То, что один человек может приказывать, а другие могут повиноваться, — всегда останется необъяснимо-иррациональной закономерностью социальной жизни. В этом смысле и говорится, что всякая власть священна. Но монархия неминуемо должна устанавливать и обставлять себя в исключительных атрибутах сакральности и в особой подчеркнутой связи с иноприродностью власти. Между тем, в эпоху революции власть становится сугубо «от кесаря», сугубо страстной и человечески-властной, и потому особенно болезненным становится смешение кесарева с Божьим. Церковь должна осознать это и в эпоху усиления человеческих страстей должна повернуться к жизни своей духовной гранью, должна встать на тот план противопоставленности жизни, с высоты которого она действительно могла бы стать совестью и судьей мира. А это при монархии — невозможно... Конечно, всякое народоправство несовершенно. Но в наше время, являющее особое усиление социального начала жизни, нужно искать новых форм политического устройства и власти. Ни монархия, ни европейская демократия напряженности нынешней русской общественности и политики не соответствуют. Нужно искать будущие формы русской государственности в принципе народной автократии, наилучшим образом сочетающем в себе народный суверенитет с началом народоводительства. Только сочетание этих двух начал и в состоянии создать сильную и органическую власть.

П. П. Сувчинский.

ОБЩЕЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ.

1.

До революции Россия была страной, в которой официальным хозяином всей государственной территории признавался русский народ. При этом не делалось никакой принципиальной разницы между областями с исконно-русским и областями с «инородческим» коренным населением: русский народ считался собственником и хозяином как тех, так и других, а «инородцы» не хозяевами, а только домочадцами.

За время революции положение дела изменилось. В закономерном для известного периода революции процессе всеобщего анархического разложения Россия грозила распасться на отдельные части, если бы русский народ не спас государственного единства, пожертвовав ради этого своим положением единственного хозяина государства. Таким образом, в силу неумолимой логики истории прежнее соотношение между русским народом и «инородцами» было нарушено. Нерусские народы б. Российской империи приобрели положение, которого

они не имели ранее. Русский народ оказался не единственным господствующим а одним из равноправных народов, населяющих государственную территорию. Правда, превосходя все прочие народы своею численностью и имея за собой многовековую традицию государственности, русский народ естественно играет и должен играть первую роль среди всех народов государственной территории. Но, это, все же, уже не хозяин среди домочадцев, а только первый между равными.

Описанная перемена, наступившая в положении русского народа, должна быть учтена всеми, кто задумывается над будущим нашей родины. Никак нельзя предполагать, чтобы создавшееся в процессе революции новое положение русского народа среди других народов бывшей Российской Империи и нынешнего СССР было лишь временным, преходящим. Те права, которыми теперь наделены нерусские народы СССР, уже не могут быть отняты. Время укрепляет существующее положение. В будущем попытка отнять или хотя бы умалить эти права вызвала бы самое ожесточенное сопротивление. Если русский народ когда нибудь вступит на путь такого насильственного отбирания или умаления прав других народов государственной территории, то тем самым обречет себя на длительную и тяжелую борьбу со всеми этими народами, на постоянное состояние то явной, то скрытой войны со всеми ними. Не подлежит сомнению, что такая война чрезвычайно желательна для врагов России, и что в своей борьбе против притязаний русского народа отдельные самоопределившиеся народы прежней Российской Империи и нынешнего СССР найдут себе поддержку и союзников среди иностранных держав. И это тем более, что с моральной точки зрения позиция русского народа, пытающегося отобрать или умалить национальные прерогативы других народов государственной территории, будет крайне невыгодной, почти незащитимой. В силу этой же моральной необоснованности борьбы за отобрание прав у нерусских народов бывшей Российской Империи борьба эта окажется непопулярной прежде всего в среде самого русского народа. Каков бы ни был исход этой борьбы, самый факт ее означал бы утрату русским народом государственного чутья в угоду шовинистическому самоутверждению, а это было бы во всяком случае признаком близкого распада государства.

Таким образом, об отобрании или умалении прав, приобретенных за время революции разными народами бывшей Российской Империи не должно быть и речи. Та Россия, в которой единственным хозяином всей государственной территории был русский народ, — эта Россия отошла в историческое прошлое. Отныне русский народ есть и будет только одним из равноправных народов, населяющих государственную территорию и принимающих участие в управлении ею.

Эта перемена роли русского народа в государстве ставит перед русским национальным самосознанием ряд проблем. Прежде с а м ы й к р а й н и й русский националист все же был патриотом. Теперь же, то государство, в котором живет русский народ, уже не является исключительной его собственностью, и с к л ю ч и т е л ь н ы й русский национализм оказывается нарушающим равновесие составных частей государства и, следовательно, ведет к разрушению государственного единства. Ч р е з м е р н о е повышение русского национального самолюбия способно восстановить против русского народа все прочие народы в государстве, т. е. обособить русский народ от других. Если прежде даже крайнее русское национальное самолюбие было фактором, на который государство могло опираться, — то теперь это же самолюбие, п о в ы с и в ш и с ь до известного предела, может оказаться фактором антигосударственным, не созидающим, а разлагающим государственное единство. При теперешней роли русского народа в государстве крайний русский национализм может привести к русскому сепаратизму, — что прежде было бы немыслимо. Крайний националист, желающий во что бы то ни стало, чтобы русский народ был единственным хозяином у себя в государстве, и чтобы самое это государство принадлежало на правах, полной и нераздельной собственности одному русскому народу, — такой националист при современных условиях должен примириться с тем, чтобы от его «России» отпали все «окраины», т. е. чтобы границы этой «России» совпали приблизительно с границами сплошного великорусского населения в пределах доуральской России: только в таких суженных географических пределах эта радикально-националистическая мечта и осуществима. Таким образом, в настоящее время крайний русский националист оказывается с государственной точки зрения сепара-

тистом и самостийником, — совершенно таким же, как всякие украинские, грузинские, азербейджанские и т. д. националисты-сепаратисты.

II.

Если прежде основным фактором, спаивавшим Российскую Империю в одно целое являлась принадлежность всей территории этого государства единому хозяину, — русскому народу, возглавляемому своим русским царем, — то теперь этот фактор уничтожен. Возникает вопрос: какой же другой фактор может теперь спаять все части этого государства в одно государственное целое?

В качестве такого об'единяющего фактора революция выдвинула осуществление известного социального идеала. СССР есть не просто группа отдельных республик, а группа республик социалистических, т. е. стремящихся осуществить один и тот же идеал социального строя, и именно эта общность идеала об'единяет все эти республики в одно целое.

Общность социального идеала и, следовательно, того направления, по которому устремляется государственная воля всех отдельных частей нынешнего СССР, разумеется, является мощным об'единительным фактором. И даже если со временем характер этого идеала изменится, все же самый принцип обязательной наличности общего идеала социальной справедливости и общей волеизъявленности к этому идеалу должен продолжать лежать в основе государственности тех народов и областей, которые ныне об'единены в СССР. Но спрашивается, достаточно ли одного этого фактора для об'единения разных народов в одно государство. В самом деле, ведь из того факта, что Узбекская Республика и Белорусская Республика обе руководствуются в своей внутренней политике стремлением к достижению одного и того же социального идеала, вовсе еще не следует, чтобы обе эти республики обязательно должны были об'единиться под сенью одного государства. Мало того, из этого факта даже не следует, чтобы эти две республики не могли враждовать или воевать между собой. Ясно, что одной общности социального идеала недостаточно, и что националистически-сепаратистическим стремлениям отдельных частей СССР должно быть противопоставлено что то еще.

В современном СССР таким противоядием против национализма и сепаратизма является классовая ненависть и сознание солидарности пролетариата перед лицом постоянно грозящей ему опасности. В каждом из народов, входящих в состав СССР, полноправными гражданами признаются только пролетарии, и, в сущности, самый Советский Союз составляют не столько народы, сколько именно пролетарии этих народов. Захватив власть и осуществляя свою диктатуру, пролетариат разных народов СССР в то же время постоянно чувствует себя под угрозой своих врагов, как внутренних (ибо социализм еще не наступил, и в переживаемую «переходную» эпоху приходится допускать существование капиталистов и буржуев даже внутри СССР), так и внешних (в лице всего прочего мира, пребывающего всецело во власти международного капитализма и империализма). И вот, для того, чтобы успешно отстаивать захваченную власть против происков врагов, пролетариям всех народов СССР и необходимо об'единиться в одно государство.

Благодаря этому взгляду на смысл существования СССР, советскому правительству оказывается возможным бороться с сепаратизмом: сепаратисты стремятся к разрушению государственного единства СССР, но это единство необходимо пролетариату для отстаивания захваченной ими власти; следовательно, — сепаратисты являются врагами пролетариата. По той же причине оказывается возможным и необходимым бороться и с национализмом, т. к. этот последний легко может быть истолкован как скрытый сепаратизм. К тому же, согласно марксистской доктрине, пролетариат лишен националистических инстинктов, которые являются атрибутами буржуазии и плодом буржуазного строя. Борьба против национализма осуществляется уже самим фактом перенесения центра народного внимания из сферы национальных эмоций в сферу эмоций социальных. Сознание национального единства, являющееся предпосылкой всякого национализма, оказывается подорванным обостренной классовой

враждой; а большинство национальных традиций опорочено связью с буржуазным строем, с аристократической культурой или с «религиозными предрассудками». При всем том, честолюбие каждого народа до известной степени польщено тем, что в пределах той территории, которую он населяет, язык его признан официальным, административные и иные должности замещаются людьми из его среды, и зачастую и самая область официально называется по населяющему его народу.

Итак, можно сказать, что фактором, связывающим все части нынешнего СССР в одно государственное целое, опять является наличие официально признанного единого хозяина всей государственной территории: только прежде таковым хозяином признавался русский народ, возглавляемый своим царем, а теперь таковым хозяином считается пролетариат всех народов СССР, возглавляемый коммунистической партией.

III.

Недостатки только что описанного современного решения вопроса сами собой очевидны. Не говоря уже о том, что деление на пролетариат и буржуазию по отношению ко многим народам СССР либо вовсе непроводимо, либо совершенно мало существенно и искусственно, следует особенно подчеркнуть, что все это решение вопроса само в себе несет указание на свою временность. В самом деле, ведь государственное объединение народов и стран, в которых власть захвачена пролетариатом, является целесообразным только с точки зрения данного этапа борьбы пролетариата со своими врагами. Да и самый пролетариат, как угнетаемый класс, согласно марксизму есть явление временное и подлежащее преодолению. То же следует сказать и о классовой борьбе. Таким образом, при описанном выше решении вопроса единство государства оказывается покоящимся не на каком-нибудь принципиально постоянном основании, а на основании принципиально-временном, преходящем. Это создает нелепое положение и целый ряд совершенно нездоровых явлений. Чтобы оправдать свое существование, центральному правительству приходится искусственно раздувать опасность, угрожающую пролетариату, приходится самому создавать объекты классовой ненависти в лице новой буржуазии, с тем, чтобы натравливать пролетариат на этот класс и т. д. . . . Словом, приходится все время поддерживать в сознании пролетариата представление о том, что положение его в качестве единого хозяина государства крайне непрочное.

В задачу этой статьи не входит критиковать коммунистическую концепцию государства по существу. Мы рассматриваем здесь идею диктатуры пролетариата только в одном ее аспекте, именно, — как фактор, объединяющий все народы СССР в одно государственное целое, и противостоящий националистически-сепаратистическим течениям. И следует признать, что в этом своем аспекте идея диктатуры пролетариата, хотя до сих пор и оказывалась действенной, не может стать прочным, непреходящим решением вопроса. Национализм отдельных народов СССР развивается по мере того, как эти народы все более свыкаются со своим новым положением. Развитие образования и письменности на разных национальных языках и замещение административных и иных должностей в первую очередь туземцами углубляют национальные различия между отдельными областями, создают в туземных интеллигентах ревнивый страх перед конкуренцией «пришлых элементов» и желание попрочнее закрепить свое положение. В то же время классовые перегородки внутри каждого отдельного народа СССР сильно стираются и классовые противоречия постепенно блекнут. Все это создает самые благоприятные условия для развития в каждом из народов СССР своего национализма с сепаратистическим уклоном. Против этого идея диктатуры пролетариата оказывается бессильной. Пролетарий, попавший к власти, оказывается обладающим, при этом иногда даже в очень сильной дозе, — теми националистическими инстинктами, которые, согласно доктрине коммунизма у настоящего пролетария должны отсутствовать. И такого попавшего к власти пролетария инстинкты мирового пролетариата, оказывается, волнуют гораздо меньше, чем это полагается по доктрине коммунизма...

Таким образом идея диктатуры пролетариата, сознание солидарности пролетариата и разжигание классовой ненависти в конце концов должны оказаться недействительными средствами против развития националистических и сепаратистических стремлений народов СССР.

IV.

Современное решение вопроса о принципе государственного об'единения частей бывшей Российской Империи логически вытекает из марксистского учения о классовой природе государства и из свойственного марксизму пренебрежения к национальному субстрату государственности. Но следует признать, что для сторонников этого учения ничего и не остается другого, как заменить идею господства одного народа идеей диктатуры одного класса, т. е. подменить национальный субстрат государственности субстратом классовым. А из этой подмены все дальнейшее вытекает само собой. Таким образом, коммунисты во всяком случае гораздо более правы и последовательны, чем те демократы, которые, отрицая единый национальный субстрат русской государственности, проповедают широкую областную автономию или федерацию без классовой диктатуры, не понимая, что при таких условиях существование единого государства немислимо.

Для того, чтобы отдельные части бывшей Российской Империи продолжали существовать как части одного государства, необходимо существование единого субстрата государственности. Этот субстрат может быть национальным (этническим) или классовым. При этом, классовый субстрат, как мы видели выше, способен об'единить отдельные части бывшей Российской Империи только временно. Прочное и постоянное об'единение возможно, следовательно, только при наличии этнического (национального) субстрата. Таковым до революции был русский народ. Но теперь, как указано выше, уже невозможно вернуться к положению, при котором русский народ был единственным собственником всей государственной территории. Ясно также, что и никакой другой народ, проживающий на этой территории не может исполнить роли такого единственного собственника всей государственной территории. Следовательно, национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской Империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и, в качестве таковой, обладающая своим национализмом.

Эту нацию мы называем *евразийской*, ее территорию — *Евразией*, ее национализм — *евразийством*.

V.

Всякий национализм исходит из интенсивного ощущения личностной природы данной этнической единицы, и, потому, прежде всего утверждает органическое *единство* и *своеобразие* этой этнической единицы (народа, группы народов или части народа). Но фактически нет (или почти нет) на свете народов вполне единых или однородных; во всяком народе, даже в очень маленьком, всегда существует несколько племенных разновидностей, нередко довольно значительно отличающихся друг от друга по языку, по физическому типу, по характеру, по обычаям и проч... Нет также (или почти нет) на свете народов вполне своеобразных или обособленных: каждый народ всегда входит в какую нибудь группу народов, с которыми его связывают те или иные общие признаки, а часто один и тот же народ по одному ряду признаков входит в одну, а по другому ряду — в другую группу народов. Можно сказать, что единство этнической единицы обратно пропорционально, а своеобразие этнической единицы прямо пропорционально величине этой единицы: к полной однородности, к полному единству приближаются только самые маленькие этнические единицы (напр. какая нибудь мелкая племенная разновидность одного народа), к полному своеобразию приближаются только большие этнические единицы (напр. какая нибудь группа народов). Таким образом, национализм всегда в известной мере отвлекается от фактической неоднородности и необособленности данной этнической единицы, и, смотря по степени этого отвлечения, можно различать разные виды национализма.

Из сказанного явствует, что в каждом национализме наличествуют одновременно элементы **централистические** (утверждение единства данной этнической единицы)

и сепаратистические (утверждение своеобразия данной этнической единицы и ее обособления от более широкой единицы). Далее ясно, что, благодаря вхождению одной этнической единицы в другую (народ входит в группу народов, но сам в свою очередь включает в себе несколько племенных или краевых разновидностей), могут существовать национализмы разной амплитуды, разной широты, при чем эти национализмы тоже «входят» друг в друга, подобно концентрическим кругам, сообразно тем этническим единицам, на которые они направлены. Наконец, ясно, что централистические и сепаратистические элементы одного и того же национализма не противоречат друг другу, но централистические и сепаратистические элементы двух концентрических национализмов друг друга исключают: т. е., если этническая единица А «входит» как часть в этническую единицу В, то сепаратистический элемент национализма А и централистический элемент национализма В друг друга исключают.

Таким образом, для того, чтобы национализм данной этнической единицы не вырождался в чистый сепаратизм, необходимо, чтобы он комбинировался с национализмом более широкой этнической единицы, в которую данная этническая единица «входит». В применении к Евразии это значит, что национализм каждого отдельного народа Евразии (современного СССР) должен комбинироваться с национализмом общеевразийским, т. е. евразийством. Каждый гражданин евразийского государства должен сознавать не только то, что он принадлежит к такому то народу (или к такой то разновидности такого то народа), но и то, что самый этот народ принадлежит к евразийской нации. И национальная гордость этого гражданина должна находить удовлетворение как в том, так и в другом сознании. Сообразно с этим должен строиться национализм каждого из этих народов: общеевразийский национализм должен явиться как бы расширением национализма каждого из народов Евразии, неким слиянием всех этих частных национализмов воедино.

VI.

Между народами Евразии постоянно существовали и легко устанавливаются отношения некоторого братания, предполагающие существование подсознательных притяжений и симпатий (обратные случаи т. е. случаи подсознательного отталкивания и антипатии между двумя народами в Евразии очень редки). Одних этих подсознательных чувств, разумеется, недостаточно. Нужно, чтобы братство народов Евразии стало фактом сознания, и, при том, существенным фактом. Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя именно прежде всего как члена этого братства, занимающего в этом братстве определенное место. И нужно, чтобы это сознание своей принадлежности именно к евразийскому братству народов стало для каждого из этих народов сильнее и ярче, чем сознание его принадлежности к какой бы то ни было другой группе народов. Ведь по какомунибудь частному ряду признаков отдельный народ Евразии может входить и в какую-нибудь другую — чистоевразийскую группу народов: так, русские по языковым признакам входят в группу славянских народов, татары, чуваша, черемисы и проч. — в группу так называемых «туранских» народов, татары, башкиры, сарты и проч. по религиозному признаку входят в группу мусульманских народов. Но эти, связи для всех названных народов должны быть менее сильными и яркими, чем связи, объединяющие эти народы в евразийскую семью: ни панславизм для русских, ни пантуранизм для евразийских туранцев, ни панисламизм для евразийских магометан не должен быть на первом плане, — а — евразийство. Ибо все эти «пан-измы», усиливая центробежные силы частнонародных национализмов, подчеркивают одностороннюю связь данного народа с какими то другими народами только по одному ряду признаков и потому неспособны создать из этих народов никакой реальной и живой многонародной нации — личности. В евразийском же братстве народы связаны друг с другом не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб. *) Евразия есть географическое, экономическое и историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распутать, так что отторжение одного народа из

*) См. статью кн. К. А. Чхеидзе в «Евразийской Хронике», вып. IV.

этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям. Ничего подобного нельзя сказать о тех группах народов, которые лежат в основе понятий панславизма, пантуранизма или панисламизма: ни одна из этих групп не объединена в такой степени единством исторической судьбы входящих в нее народов. И потому ни один из этих «пан-измов» не является прагматически ценным, в той мере, как общевразийский национализм. Национализм этот не только прагматически ценен, но прямо даже жизненно необходим: ведь мы уже видели, что только пробуждение самосознания единства многонародной евразийской нации способно дать России-Евразии тот этнический субстрат государственности без которого она рано или поздно начнет распадаться на части к величайшему несчастью и страданию всех ее частей.

Для того, чтобы общевразийский национализм мог успешно выполнить свою роль фактора, объединяющего евразийское государство, необходимо соответственно перевоспитать самосознание народов Евразии. Конечно, можно сказать, что таким перевоспитанием занимается уже сама жизнь. Уже один тот факт, что все евразийские народы (и, кроме них, ни один другой народ в мире) вот уже сколько лет совместно переживают и изживают коммунистический режим, — уже один этот факт создает между всеми этими народами тысячу новых психологических и культурно-исторических связей и заставляет их всех ясно и реально ощущать общность их исторических судеб. Но этого, конечно, мало. Необходимо, чтобы те отдельные люди, которые уже сейчас ясно и ярко сознали единство многонародной евразийской нации, проповедывали это свое убеждение, — каждый в той евразийской нации, в которой он работает. Здесь — непочатый край работы для философов, публицистов, поэтов, писателей, художников, музыкантов и для ученых самых различных специальностей. С точки зрения единства многонародной евразийской нации надо пересмотреть целый ряд наук и построить новые научные системы в замену старых, обветшавших. В частности, с этой точки зрения совершенно по новому приходится строить историю народов Евразии, в том числе и русского народа...

Во всей этой работе по перевоспитанию национального самосознания с установкой на симфоническое (хоровое) единство многонародной нации Евразии русскому народу, быть может, приходится напрягать свои силы более, чем какому бы то ни было другому народу Евразии. Ибо, во первых, ему более, чем другим, придется бороться со старыми установками и точками зрения, строившими русское национальное самосознание вне реального контекста евразийского мира и отрывавшими прошлое русского народа от общей перспективы истории Евразии. А, во вторых, русский народ, который до революции был единственным господином всей территории России-Евразии, а теперь является первым (по численности и по значению) среди евразийских народов, естественно должен подавать пример другим.

Работа евразийцев по перевоспитанию национального самосознания в настоящее время протекает в исключительно тяжелых условиях. На территории СССР такая работа открыто вестись конечно не может. В эмиграции же преобладают люди, неспособные в своем сознании реализовать объективные сдвиги и результаты революции. Для таких людей продолжает существовать Россия, как совокупность территориальных единиц завоеванных русским народом и принадлежащих на правах полной и нераздельной собственности одному этому русскому народу. Поэтому самой проблемы создания общевразийского национализма и утверждения единства многонародной евразийской нации эти люди понять не могут. Для них евразийцы — изменники, потому что понятие «России» заменили понятием «Евразии». Они не понимают, что не евразийство, а жизнь произвела эту «замену», не понимают того, что их русский национализм при современных условиях есть просто великорусский сепаратизм, что та чисто русская Россия, которую они хотели бы «возродить», реально возможна только при отделении всех «окраин», т. е. — в границах этнографической Великороссии. Другие эмигрантские течения нападают на евразийство с противоположной стороны, требуют отказа от утверждения какой бы то ни было национальной самобытности и полагают, что Россию можно построить на началах европейской демократии, не выдвигая ни единого национального, ни единого классового субстрата русской государственности. Будучи представителями отвлеченно-западнических настроений старых поколений русской интеллигенции, эти люди не хотят понять, что

Для существования государства необходимо прежде всего сознание органической принадлежности граждан этого государства к одному целому, к органическому единству, каковое может быть только либо этническим, либо классовым, и что, поэтому, при современных условиях возможно только два решения, — либо диктатура пролетариата, либо сознание единства и своеобразия многонародной евразийской нации и общевразийский национализм.

Кн. Н. С. Трубецкой

ЕВРАЗИЙЦЫ И ГОСУДАРСТВО.

Живой и глубоко жизненный характер евразийского учения проявляется прежде всего в том постепенном процессе самоуяснения, который стихийно влечет нас к познанию нашего собственного существа, как некоторой особой идеологической группы. В первых стадиях этого процесса ставился ряд проблем, но не было еще их системы; в последующих стадиях проблемы начинают выступать в некотором систематическом порядке. Так стихийно и в то же время систематически разрабатываются нами в настоящее время проблемы политические и социально-экономические. Можно сказать, что в этой области многое уже у нас установлено, однако далеко не все. Из числа еще не вполне выразуменных вопросов нужно прежде всего назвать вопрос о нашем собственном существе, как организованной группы, и о нашем месте в государстве. По этому вопросу уже брошены общие мысли, однако они не имеют характера окончательных, установившихся формул. Представляем ли мы собою партию или нет? Должны ли мы стремиться к образованию единой партии? Если нет, то кто же мы? И каково наше место в государстве, которое мы считаем своим, нормальным, евразийским государством, так же, как и в государстве современном, в условиях текущей политики?

В последующем будет сделан опыт решения названных вопросов, — опыт, который мог бы иметь значение «дискуссионное», а мог бы и послужить материалом для окончательных решений. Тема — многопланна, отдельные планы следует различить, — и в зависимости от разных плоскостей, вынести различные формулировки. Тогда, может быть, окажутся одинаково правыми и те, кто говорит, что мы — партия, и те, кто отрицает за нами характер партии.

1.

Политической партией в современном смысле этого слова называется возникшая свободно (а не в результате учреждения государством) группа лиц, которая объединена общими целями и общностью в понимании средств, ведущих к осуществлению названных целей (единством средств). Существенным для партии может являться иногда единство целей, а иногда единство средств. Все различие между большевиками и меньшевиками, например, сводится к разногласию по поводу тактики, а не окончательных целей; но различие целей отличает партии социалистические от буржуазных. Ближайшей задачей всякой политической партии является завладение аппаратом государственной власти с тем, чтобы провести в жизнь свои основные цели (будем называть это «политическим действием»). Однако, многие современные политические партии отнюдь не стремятся к немедленному осуществлению этой последней цели. Тактические соображения часто побуждают партию всячески удерживаться не только от захвата власти, но и от прямого участия в правительстве. Современный европейский политический режим особо благоприятствует подобной тактике воздержания, в силу которой очень мощные современные политические партии, например, социалисты, представляют вечную оппозицию в парламенте всем другим политическим партиям и любому правительству. По-